

18+

Анфиса
Каховская

**ДВЕ
СТОРОНЫ
МОНЕТЫ**

Анфиса Каховская
Две стороны монеты

«Издательские решения»

Каховская А.

Две стороны монеты / А. Каховская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960522-1

Добро и Зло — две стороны одной монеты, неразрывно связанные друг с другом. Иногда бывает очень трудно отличить одно от другого. Главный герой повести — молодой человек, только вступающий во взрослую жизнь, узнает эту истину на практике. Первый серьезный жизненный урок оказывается для него слишком сложным. Многое он теряет, но многое и обретает.

ISBN 978-5-44-960522-1

© Каховская А.
© Издательские решения

Две стороны монеты

Анфиса Каховская

© Анфиса Каховская, 2020

ISBN 978-5-4496-0522-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аскалон прибыл на свой корабль рано утром, справился насчет готовности.

– Все готово, осталось лишь догрузить кое-что, – доложил ему капитан, стоявший возле трапа, наблюдая за погрузкой. – Через час можем отходить.

Капитан Олех выглядел очень молодо, впрочем, не моложе своих двадцати лет, и очень стеснялся этого – ему казалось, что для своей должности он недостаточно солиден. Этот недостаток он старался компенсировать безупречным профессионализмом и манерами, позаимствованными у старших товарищей. Он не суетился, не говорил лишнего, не жестикулировал – вся поза его излучала спокойствие и уверенность в себе.

Были они с Аскалоном чем-то похожи – несколько раз их даже принимали за братьев (что обоим очень льстило): почти ровесники, оба чуть выше среднего роста, одинаковой комплекции, хорошо сложены, оба коротко стриглись, только у Аскалона волосы отливали чернотой, а у Олеха были светло-русые. Черты лица тоже имели много сходства, но у капитана они были помягче, словно один и тот же портрет писали два художника: лицо Олеха создавал романтик, видевший в нем мечтательного Ромео, а Аскалону достался баталист, привыкший на своих полотнах изображать суровые лица воинов. Впрочем, для настоящего «сурового воина» он был еще очень молод, и лицо его лишь собиралось стать «вытесанным из камня», как любят говорить писатели. Да и по характеру Аскалон был живее и энергичнее своего друга – ему еще не скоро предстояло стать Правителем, и он мог себе позволить отложить солидность до будущих времен.

Пока капитан Олех заканчивал приготовления к плаванию, Аскалон спустился в свою каюту. Несмотря на то, что судно было небольшим, все на нем было устроено с комфортом. На корабль Наследника денег не жалели – Правитель считал так: раз он принял непростое решение отослать юного сына для учебы в дальние края, то пусть это долгое путешествие будет для него не только полезным, но и комфортным, ведь от судна зависит часто не только свобода передвижения, но и сама жизнь, а ни на том, ни на другом заботливый отец экономить не собирался.

В каюте Аскалон, привыкший к путешествиям, быстро разложил свои вещи по местам. Одежду и разные мелочи он раскидал по полкам за пять минут, а вот письменные принадлежности и книги, которых у него оказалось немало, раскладывал долго и аккуратно. Это занятие доставляло ему удовольствие, и он не сразу услышал, что капитан Олех разговаривает с кем-то. Аскалон прислушался. Голос был незнакомый, низкий и глухой, похоже, принадлежал пожилому человеку. Слов было не разобрать. Что говорил Олех, тоже было не ясно, но Аскалон все же уловил знакомое мягкое «нет», потом «простите», «к сожалению» и снова «нет».

«Все ясно, – догадался Аскалон, – какой-то старик просит подвезти его до Города, а до тошноты вежливый капитан не может решительно отказать». Юноша отложил книги и пошел вырывать друга.

Поднимаясь по лесенке, он утвердился в своей догадке, так как различил слова старика: «...а следующего судна ждать две недели».

«Неужели не видно, что наше судно частное и не занимается перевозкой пассажиров», – с досадой подумал Аскалон, и, пока его не в меру интеллигентный друг не успел промямлить очередную вежливую глупость, громко сказал, преодолевая последние ступеньки:

– Сударь, я хозяин этого корабля. Мы отправляемся через несколько минут. Цель нашей поездки сугубо деловая, и мы никогда не берем пассажиров.

Он легко вспрыгнул на палубу и неожиданно продолжил:

– Хотя... хотя, конечно, у нас есть несколько свободных кают на случай... на случай, если кому-нибудь понадобится наша помощь... В смысле, если кто-то нуждается в хорошем надежном судне...

Олех стрельнул в него ироничным взглядом. Оказывается, причину его постыдного поведения Аскалон истолковал неверно. Она (причина) стояла рядом со стариком, скромно потупив взгляд, как и полагается воспитанной и послушной девушке, и не принимала участия в разговоре. Худенькая, невысокого роста, на подбородке очаровательная ямочка. С появлением на палубе нового лица, претендующего к тому же на роль владельца судна, она подняла на него свои глаза, и его так захлестнуло их голубизной, что он почувствовал слабость в ногах. Ее отец тоже повернулся. Это был пожилой мужчина с мягкими чертами лица и затаенной грустью в глазах.

– Простите за назойливость, – он обратился к новому собеседнику, судя по тону, с неоднократно уже повторявшейся фразой, – но нам очень нужно побыстрее оказаться в Городе, а пассажирский корабль ушел вчера, и следующий теперь лишь через две недели. Мы бы вас не стеснили, нам с дочкой вполне хватило бы одной каюты на двоих. И заплатим мы, сколько скажете.

– Дело не в деньгах, – стал мямлить Аскалон, точь-в-точь как за минуту перед этим высмеянный им Олех, – просто мы никогда не брали пассажиров, – он покосился на прекрасное создание и неожиданно вздохнул.

– Да, я понимаю, – вздохнул ему в тон несостоявшийся пассажир. – Извините за то, что отняли у вас время. Мы поищем другое судно.

– Вообще-то у нас есть свободные каюты, – вдруг выдал Аскалон, когда отец с дочерью уже сделали несколько шагов прочь. Они остановились.

Олех закусил губу, чтоб спрятать улыбку, и, торопливо поклонившись, убежал на корму якобы затем, чтобы показать матросу, куда ставить принесенные ящики. Увидев это, Аскалон нахмурился, но остановиться уже не мог:

– Мы вообще-то никогда не брали пассажиров, но судно у нас вместительное, хоть и небольшое. Так что нас не стеснят лишние два-три человека. И каюты вполне удобные. Если вам действительно очень надо...

– Но у нас вещи в гостинице, – пролепетал мужчина, не веря своей удаче.

– Мы собирались отплыть через час, но можем немного и задержаться.

– Поверьте, мы не задержим вас надолго. Нам только забрать вещи и расплатиться.

Глядя, как они удаляются, Аскалон все пытался понять, как же случилось, что он позволил совершенно незнакомым людям плыть вместе с ним на его корабле. Это было какое-то наваждение.

От неприятных мыслей его отвлекло неожиданное происшествие. Повернувшись на раздававшийся с пристани шум, он увидел, как по их трапу поднимается весьма живописная дамочка. Одета она была в узкое оранжевое платье, на голове ее извивалась от ветра невероятно широкая оранжевая же шляпа. Обилие косметики на лице не позволяло определить возраст, но вероятно, ей было за тридцать. Передвигалась странная гостья на высоченных каблучках, менее всего приспособленных для ходьбы по кораблю, в руке несла то ли шаль, то ли плед. За дамочкой резво взбежали несколько грузчиков со множеством баулов, саквояжей, сундуков, мешков и коробок, бросили все это на палубу и так же резво покинули корабль.

Онемевший капитан проводил их изумленным взглядом. Стоявший неподалеку Аскалон тоже потерял дар речи. Зато оранжевая дама, почти закончившая преодолевать на своих каблучищах трап, заговорила громким визгливым голосом:

– Кажется, я не опоздала? Вы капитан? Что-то мне казалось, что ваше судно должно быть несколько больше. Что вы молчите? Посадка ведь еще не закончена? Да дайте же мне руку! Боже, какие неве...

Тут дама, видно, решила наглядно продемонстрировать, насколько неподходящий наряд выбрала для морского путешествия, и, зацепившись каблуком за последнюю доску трапа, нырнула лицом вниз прямо под ноги Аскалона. Тот бросился ее поднимать, но лишь протянул руку, как дама глухо зарычала. От неожиданности Аскалон отскочил, но видя, как дама ловит рукой воздух, снова приблизился. Но стоило ему протянуть руку, как из-под дамы опять раздалось злобное рычание. На этот раз Аскалон понял, что звуки эти издавала не она. И правда, когда ей удалось подняться, из-под нее выскочил мохнатый комочек. Такого зверька Аскалон видел впервые: размером он был с кошку, пушистая полосатая спинка, длинные висящие уши, вместо хвоста покрытый белой шерстью смешной обрубочек. Как и все мелкие зверюшки, он считал своим долгом сообщать миру, какой он страшный: он вздыбил шерсть и снова зарычал.

– Перестань, Хвост, надоел, – прикрикнула на него дама, которой удалось наконец принять более-менее устойчивое положение на палубе. Зверек, кличка которого говорила о несомненном наличии чувства юмора у его хозяйки, еще раз рыкнул для приличия и уселся умыться на один из саквояжей.

До этой минуты дама была целиком поглощена процессом восхождения по трапу, теперь же она смогла оглядеться, и чем дольше она разглядывала окружающее, тем сильнее вытягивалось ее лицо.

– Погодите, но это же не «Святая Шадра», – наконец сказала она с упреком и посмотрела на капитана.

– Нет, – вынужден был признать он.

– Но как же? Что вы здесь делаете? Здесь должна быть «Святая Шадра». Где она?

– Сударыня, – как можно вежливее сказал Олех, – «Святая Шадра» ушла вчера.

– Ушла вчера, – спокойно повторила дама, но тут же снова начала бушевать. – Что за чушь вы говорите! Вы что здесь все, белены объелись? Как она могла уйти без меня? Перестаньте мне хамить! Я еще в своем уме и прекрасно помню, что «Святая Шадра» отходит в десять часов в среду.

– Сударыня, – капитан был сама кротость, – сегодня четверг.

– А вот уж нет, – с достоинством возразила дама. – Тут вы меня не собьете. Сегодня среда. Именно среда, – она посмотрела на окружавшие ее доброжелательные и сочувственные лица и засомневалась. – Или четверг?

Капитан обреченно кивнул.

Дама с надеждой посмотрела на юношу, который недавно помог ей подняться:

– Четверг?

Аскалон развел руками.

– Это что же получается, – начала рассуждать недавняя скандалистка, – я пропустила свой корабль? А когда же следующий? Завтра? Нет? Послезавтра?

Услышав, что сможет отправиться в Город только через две недели, дама пришла в ужас.

– Две недели? Это мне придется еще две недели торчать в этом гнусном городишке? Боже, я этого не вынесу! Но как же я могла перепутать, я ведь была уверена...

Она еще попричитала немного, а потом до нее начало доходить, что из-за своей бестолковости она взбаламутила невинных людей.

– Ох, мне так неловко. Простите. Но я...

Она растерянно оглядела свой багаж, раскиданный по палубе, потом обернулась в сторону пристани.

– Мои носильщики уже ушли. Если бы вы помогли мне отнести багаж обратно в гостиницу... Ах, мне так неудобно вас утруждать.

– Знаете, – подумав, сказал Аскалон, – вообще-то мы тоже плывем в Город.

Олех взглянул на него с испугом, но смолчал.

– Наша «Заря», конечно, не приспособлена для перевозки пассажиров, но у нас есть еще две свободные каюты. Одна из них могла бы стать вашей.

– Нет! – Решительно сказала дама, и Олех облегченно вздохнул. – Нет и нет! Я не могу злоупотреблять вашей добротой, – она сделала паузу, – хотя вы бы меня очень выручили. Да и багаж мой уже здесь. Я согласна, показывайте мою каюту.

Менее чем через час прибыли и другие двое пассажиров, и красавица «Заря» покинула порт.

Плавание обещало быть недолгим (при попутном ветре не более пяти дней) и приятным: по всем признакам ничто в эти дни не должно было испортить погоды. Познакомились за обедом в небольшой, но исключительно удобной кают-компании, отделанной, как и все помещения на корабле, со вкусом, но без лишней роскоши.

Первым по праву хозяина представился Аскалон. Он, чтобы не смущать своих пассажиров, назвал себя сыном богатого торговца, а в остальном был правдив: сказал, что отец отправил его в дальние страны постигать жизненную науку шесть лет назад, и вот теперь он возвращается домой. Про отца с дочерью узнали, что их звали Бажан и Ива, что они тоже уроженцы Города и возвращаются после длительного странствия. Бажан оказался заядлым путешественником, они с дочерью объехали не один десяток стран и таких же, как Город, островных государств. В Городе у них было приличное поместье, дававшее хороший доход, куда они тем не менее не спешили бы возвращаться, если бы не внезапное известие о болезни сестры Бажана. Мнительная старушка была уверена, что умирает, и умоляла брата с племянницей как можно скорее приехать. Бажан рассказал, что его сестра «умирала» уже по крайней мере раз пять, но расстраивать ее не хотел, да и в голосе его сквозь беспечные нотки проскальзывало беспокойство.

Аскалон слушал вполуха, а сам нет-нет, да и бросал взгляд в сторону прелестной Ивы, которая не произнесла за обедом ни слова, а лишь слегка розовела, когда отец упоминал ее имя. К обеду она переделалась, и в новом своем наряде, состоявшем почти сплошь из кружев, совсем свела с ума бедного Наследника. Сидя напротив, он всю свою силу воли тратил на то, чтобы отвести от нее взгляд, но она снова и снова притягивала его, как магнит. Чтобы не показаться нахалом, он заговорил со второй женщиной, эксцентричной Виринеей, но ее манера говорить быстро утомила его: она так много жестикулировала, что стоявшие на краю чашки и бокалы поминутно подвергались риску оказаться на полу, и имела странную привычку время от времени ни с того ни с сего вскрикивать, отчего все вздрагивали. Из ее сбивчивого рассказа Аскалон понял только, что и она возвращалась в Город после путешествия, и еще под слоем косметики он разглядел молодое лицо – она была гораздо моложе, чем показалось ему вначале, может, лишь на несколько лет постарше его.

На следующий день Аскалон проснулся рано. Тишина звенела, лишь слегка плескались волны за кормой. Все пассажиры и свободные от вахты члены команды наверняка еще спали. Аскалон вышел на палубу, сладко потянулся – и замер. В нескольких шагах от него неподвижно стояла закутанная в кружевную шаль женская фигурка. Юноша постоял в нерешительности, но не смог преодолеть невероятной силы притяжение и приблизился к ней. Ива повернулась к нему – ее лицо тихо светилось в пелене восходящего утра. У Аскалона даже дыхание перехватило – так она была прекрасна.

– Вы не спите? – Ляпнул он первую попавшуюся ему в голову глупость.

– Такое дивное утро, – с мягкой грустинкой улыбнулась она, и на ее щеках обозначились две очаровательные ямочки. – Море совсем не похоже ни на реку, ни на пруд. Вроде та же вода, да не та. Все время смотрю – и не пойму, в чем дело.

Аскалон тоже посмотрел вниз, но ничего необычного не заметил – вода как вода. Его взгляд привлекали сейчас совсем другие волны – волны белокурых волос, лежавших на ее плечах, чуть подрагивая от утреннего ветерка. Наследник тихо вздохнул, боясь неловким движением разрушить эту хрупкую красоту. Ничего подобного он в жизни не видел, в этом он мог поклясться. Встречались ему, конечно, красивые девушки, но красота Ивы была какой-то особенной: не броской, не резкой.

Она поймала его взгляд, и Аскалон смущенно отвел глаза. Надо было срочно сказать какую-нибудь банальность.

– Вы не боитесь простудиться? – Спросил он.

Ива покачала головой, но не ответила.

– Я вам помешал? – Он видел, что навязывать свое общество неприлично, но заставить себя уйти не мог – ноги будто приросли к палубе.

Конечно, он понимал, что на его откровенный вопрос она не ответит: «Естественно, ты мне помешал. Я ведь вышла на палубу в столь ранний час не для того, чтобы кто-то действовал мне на нервы». И все же ее отрицательный ответ приободрил его, и он счел возможным продолжить разговор. Мало-помалу беседа завязалась. Оказалось, что у них много общего: оба выросли без матери, оба любили читать, оба много времени провели в путешествиях по разным странам, оба скучали по родному Городу и радовались скорому возвращению. С каждой минутой Ива нравилась Аскалону все больше и больше, с ней ему было так легко и свободно, будто они были знакомы всю жизнь, и ей – он чувствовал это – было с ним так же хорошо.

Но утро вступило в свои права: дымка рассеялась, и солнце мощно захватило себе все пространство до самого горизонта. Корабль начал просыпаться: сначала мимо них вразвалочку прошел бородатый боцман, коротко поприветствовал их и скрылся в рубке, потом туда же проследовал капитан, кольнув Аскалона пронизательным, ироничным взглядом, зашастали туда-сюда шумные и смешливые матросы, и каждый из них считал своим долгом пройти как можно ближе к парочке, а потом многозначительно извиниться за то, что помешал. Из своей каюты выплыла сонная и недовольная Виринея, замотанная в какой-то непонятного цвета балахон. Увидев Аскалона и Иву, она вдруг удивленно остановилась, потом на губах ее задрожала ехидная усмешка, и она, беспардонно поразглядывав их минуты две и даже не поздоровавшись, направилась на корму. Последним на палубу поднялся Бажан и, быстро ошупав цепким взглядом Аскалона, увел дочь в каюту.

Аскалон ни на что не обращал внимания, ни о чем не думал. Ему было так хорошо, как никогда в жизни. Он был счастлив, что взял пассажиров, и даже взбалмошная Виринея со своими косыми взглядами не раздражала его. Плавание обещало быть гораздо приятнее, чем он предполагал. Все-таки человеческая жизнь при всех ее недостатках и трудностях имела одно преимущество: она умела преподносить неожиданные приятные сюрпризы. Жаль было только, что до окончания этого дивного путешествия оставалось всего четыре дня.

Однако Аскалон не собирался терять времени даром. После того волшебного утра он старался быть поближе к Иве, но так чтобы не казаться ей назойливым – ей, на остальных ему было наплевать. За завтраком, обедом и ужином он садился с ней рядом, чтобы выполнять за столом обязанности ее кавалера, не обращая внимания на довольно пошлые остроты, отпускаемые в их адрес язвительной Виринеей, и грустные взгляды покинутого друга, которому при таком раскладе в качестве дамы доставалась вторая пассажирка, угодить которой было очень трудно, если не сказать, невозможно: тарелки ей подавали неизменно грязные, вилки были неудобными, суп оказывался пересоленным, а подливать вино в ее бокал бедный капитан постоянно запаздывал. Но Аскалон эгоистично не замечал адских мучений своего друга:

с вершин блаженства, на которых он пребывал, вообще очень трудно разглядеть чужие страдания. Но Олех не обижался, он впервые видел друга в таком состоянии, и был рад за него, тем более, что самого капитана в порту ждала некая особа, о которой не знал еще даже Аскалон. Но которая уже обещала сделать его счастливым на всю жизнь.

Впрочем, эта тайна перестала быть таковой в тот же вечер. Простившись наконец со своей прекрасной дамой и пожелав ей спокойной ночи, Аскалон, которого распирало от желания поделиться с другом своими новыми ощущениями, отправился в каюту капитана и застал его за очень необычным занятием: он укладывал в небольшую, обшитую бархатом коробочку блестящее драгоценными камнями ожерелье. Аскалон вмиг забыл про себя.

– Ага! – Возбужденно крикнул он. – Вот чем ты занимаешься по ночам.

Пойманный с поличным Олех покрылся румянцем.

– Так-так, – неумолимо продолжал Аскалон. – И давно ты стал носить женские украшения?

Олех виновато топтался на месте.

– Ну, ладно, кто она? – Смиловитился Аскалон. – Выкладывай, раз уж попался.

Всю ночь до утра провели друзья вместе, обсуждая свои сердечные дела. О сне, конечно, не могло быть и речи. Аскалон выпытал у друга все до последней мелочи: ее имя, возраст, цвет глаз, волос, привычки. Оказалось, что кроме первой улики – ожерелья, была еще и вторая – небесно-голубой платочек с вышитым в уголке парусом, хранящий слабый запах духов. Его Олех достал из-за пазухи и, показав, бережно убрал обратно. Рассказать каждому надо было так много, а ночь была такой короткой, что оба и не заметили, как она пролетела. Но не успело еще как следует наступить утро, как в дверь капитанской каюты постучался один из матросов – высокий парень с родимым пятном возле уха. Он что-то торопливо сказал вышедшему к нему Олеху.

– Что?! – Только услышал Аскалон удивленный голос друга. – Не может быть, – и Олех, извинившись, быстро убежал вслед за матросом.

Пришел он через полчаса, мрачный и напряженный.

– Что-то случилось? – Спросил его Аскалон, который за это время так и не вышел из состояния радостного возбуждения.

– Случилось. По правому борту течь.

– Не может быть, – точь-в-точь как недавно капитан, среагировал его друг.

– Не может, – согласился Олех, – да только она есть. Сам проверил.

– Но откуда?

– Неоткуда, – снова покорно кивнул капитан.

– Ничего не понимаю, – развел руками хозяин судна. Он знал, как тщательно Олех готовился к каждому плаванию. – Большая?

Капитан пожал плечами:

– Средняя.

– Но до Города дотянем?

– Должны, – Олех напряженно думал.

– Что значит должны?

– Понимаете, судя по размерам дыры, у нас есть шанс нормально добраться до Города. Но полной уверенности у меня нет.

– А заделать ее нельзя?

– Сейчас нет. Она ниже ватерлинии.

– Значит, остается идти своим курсом и надеяться, что нас не зальет водой раньше, чем мы доберемся до пристани?

– Это риск. У нас же пассажиры.

– Ага. Значит, ты все-таки знаешь, что делать. Я так и думал.

– Мы потеряем несколько часов, но зато спокойно и безопасно прибудем в Город. «Заря» – судно небольшое. Если его облегчить, то оно поднимется. Чуть-чуть, но этого хватит, чтобы течь оказалась над водой. Тогда ее можно будет законопатить. Это не займет много времени, часа три, не больше.

– И как же мы облегчим «Зарю»?

– Все лишние люди перейдут в шлюпку.

– Ты уверен, что этого будет достаточно?

– Да, я все уже рассчитал. Не волнуйтесь. Всего лишь небольшая задержка. – Олех чувствовал себя виноватым, хотя мог поклясться, что перед плаванием сто раз проверил каждый уголок корабля – все было в порядке.

Аскалон слабо разбирался в морском деле, но полностью доверял другу.

– Значит, так и сделаем. Только я не думаю, что три часа в шлюпке доставят удовольствие нашим пассажирам. Может, лучше переждать это время на каком-нибудь острове? Есть что-нибудь поблизости?

Олех помолчал:

– Здесь островов немного. Через час будем проходить мимо одного. Правда, он... – капитан как-то странно взглянул на друга. – Но мы ведь не собираемся на нем ночевать.

– Что, нехороший островок?

Олех неопределенно кивнул:

– Совсем маленький, каменистый, растительности почти нет, воды пресной тоже, вокруг подводные камни, но на шлюпке причалить к нему можно.

– Тогда решено. Три часа – не три дня.

– Это верно, – облегченно улыбнулся капитан. – Пойду будить пассажиров.

Через час «Заря» бросила якорь невдалеке от острова. Все, кроме боцмана и двух матросов, сели в шлюпку, в том числе и капитан, решивший, что его место рядом с пассажирами, и знавший, что на корабле прекрасно справятся и без него.

На деле остров оказался еще менее привлекательным, чем его описал Олех: с того края, куда они причалили, еще изредка меж серых камней виднелись чахлые низкие деревца и корявые кустарнички, а на противоположной стороне были лишь только громоздящиеся друг на друга скалы. Остров был явно необитаем, и сошедшим на него людям сразу стало как-то неуютно. Ива, ступив на берег, поежилась, будто от холода, хотя было все так же солнечно и тепло, и взяла за руку отца. Молодой матрос, тот самый, с родимым пятном, огляделся и присвистнул:

– Да, гнусный островочек.

– Хорошо, что мы проведем на нем всего пару часов, – сказал старавшийся не терять бодрости духа Аскалон и посмотрел на капитана, ожидая поддержки, но тот промолчал. Он был непривычно хмур и напряженно вглядывался в серые камни.

Зато матрос не унимался:

– Надеюсь, здесь не водятся никаких чудовищ. Я слышал про эти острова много такого, что...

– Не стоит слушать всякий вздор, – перебил его капитан. – Лучше иди достань из шлюпки корзины с провизией и одеяла. Самое время для завтрака.

– Конечно, – подхватил Аскалон. – Сейчас сядем, позавтракаем – и сразу станет веселее.

Он посмотрел на Иву. Она, бедная, совсем сникла. Видно, на впечатлительную девушку очень подействовал окружающий мрачный пейзаж. Она с тоской смотрела в сторону Моря, туда, где маячила ставшая совсем маленькой их «Заря».

Зато Виринея чувствовала себя замечательно: она легко прыгала по камням (на этот раз на ней была удобная широкая юбка и мягкие сапожки) и казалась более возбужденной, чем обычно.

– Какое жуткое место, – радостно крикнула она прямо в лицо Аскалону и схватила его за руку. – Вы не находите?

– Довольно уныло, но ничего жуткого, – он попробовал освободиться, но она не отпустила.

– Нет, именно жуткое! – Виринея заглянула ему в глаза и сказала замогильным голосом. – Представьте, что сейчас из-за той скалы появятся страшные чудовища или вооруженные до зубов разбойники.

Аскалон хотел сказать, что уж разбойникам-то на диком острове делать решительно нечего, но не успел: ко всеобщему изумлению, именно из-за той скалы, на которую указала сумасшедшая дамочка, вдруг показался высокий человек в кожаном плаще с двумя пистолетами в руках. Аскалон машинально схватился за пояс, но свой походный пистолет он оставил на корабле. Меж тем, из-за скалы появился еще один вооруженный человек, затем еще и еще. Это было похоже на какое-то наваждение, Аскалон даже встряхнул головой, чтоб избавиться от него, но оно не исчезало. И более того, приближавшиеся бандиты становились все реальнее.

– Не делай этого! – Совсем не как призрак, громко и грозно, крикнул один из них капитану, сделавшему движение в сторону шлюпки, и многозначительно качнул ружьем. Это окончательно убедило всех, что намерения их новых знакомых отнюдь не мирные.

Аскалон посмотрел в сторону корабля. Увы, «Заря» была слишком далеко – оставшиеся на ней моряки не могли увидеть того, что происходило на острове. Захваченным врасплох путешественникам оставалось лишь ждать дальнейшего развития событий. Аскалон посмотрел на Иву: девушка вцепилась в отцовскую руку.

Аскалон повернулся к Виринею и не поверил своим глазам: перед ним стояла совсем другая женщина. Это не была уже избалованная глупенькая девица, какой она представлялась все эти дни. Теперь у нее были повадки и взгляд хищницы, настигшей свою жертву: в движениях появилась уверенная грация, глаза светились торжеством. В этот момент она была прекрасна, но прекрасна демонически. Она перехватила потрясенный взгляд юноши, и губы ее дернулись в усмешке.

– Что, господин Наследник, вы, кажется, слегка удивлены? – Даже голос ее стал каким-то другим, в нем появился металл. – Да, да. Я с самого начала знала, кто вы такой.

К ней подошел длиннолицый бандит в кожаном плаще:

– Их надо обыскать.

– Не надо, – махнула она рукой. – У них нет оружия. Если что и было, осталось на корабле. Правда, капитан прихватил с собой кортик, но он неосторожно потерял его, когда мы плыли в шлюпке, – и она извлекла из складок своей юбки кортик Олеха.

Длиннолицый затрясся от смеха и широко обнял Виринею:

– Ты неподражаема, как всегда.

– Кто вы такие? Что вам нужно? – Аскалон попытался взять себя в руки.

– О! Прорезался начальственный голос, – засмеялась Виринея, выкрутившись из объятий своего кавалера. – Угрим, посмотри, господин Наследник выражают недовольствие.

Она сняла с длиннолицего Угрима пояс с двумя пистолетами и не спеша надела его на себя, не отрывая от Аскалона ликующего взгляда.

– Так вот. Здесь вопросы задаю я. А говорить вы будете, когда вам разрешат.

Виринея распустила свои длинные каштановые волосы и это придало ее облику еще больше демонического. Окружавшие ее бандиты смотрели на нее со страхом и обожанием одновременно. Она оглядела всех, но вдруг взгляд ее сделался колючим, она повернулась к Угриму:

– А этот клоун что здесь делает? – Она кивнула на худого парня в яркой рубаше.

Услышав вопрос, тот быстро приблизился, и Аскалон увидел, что за спиной его висит виола – струнный музыкальный инструмент.

– А ты что ж, не ждала меня увидеть?

– Ну, почему? Я давно знаю, насколько ты слабохарактерен, и что не можешь держать свое слово. Я знала, что если ты говорил, что уходишь от нас, это еще ничего не значит.

– Это я попросил его поучаствовать в последний раз, – виновато проговорил Угрим. – Я боялся, что народу не хватит. Все куда-то расползлись.

– Подонки, – сквозь зубы пробормотала злодейка. – На неделю нельзя оставить.

Ее лицо стало злым и напряженным, но ситуацию спас неизвестно откуда взявшийся Хвост, который стал тереться о ее ноги. Виринея сразу оттаяла.

– Животное, ты где был? – Она подняла его за шкуру и щелкнула по носу.

Хвост недовольно извивался в ее руке, и она, засмеявшись, опустила его на землю:

– Ладно, теперь дела. Ворон, – она кивнула парню с виолой, – собери наших гостей в одном месте. Угрим, бери пятерых ребят и уладьте дела с кораблем. Там старый боцман и два сопляка. Много времени это не займет. Да! Там по правому борту течь. Ничего серьезного, тем более, что они ее уже должны были заделать. Если нет, там работы на час. Во всяком случае, сверлить дыру в одиночку слабой женщине было гораздо сложнее, – и она снова взглянула на Аскалона.

Угрим, махнув несколькими бандитам, быстро кинулся к шлюпке, и через пару минут они отплыли. Аскалон еле удержался от того, чтобы броситься вслед за ними, а что уж говорить про капитана! Больно было смотреть, как он провожал взглядом шлюпку.

Всех злополучных путешественников поставили возле большого камня причудливой формы. Аскалон был подавлен, Олех мрачен, Ива не выпускала руки отца. Лишь молодой матрос – тот самый, с родинкой, что приходил утром к капитану – не терял присутствия духа. Он все время крутил головой. А под скулами у него ходили желваки, выдавая работу мысли.

Виринея встала перед ними, сложив руки на груди, и некоторое время с довольным видом разглядывала каждого по очереди, как живописец разглядывает только что законченную картину. Потом негромко сказала:

– Что ж, теперь можно поговорить. У вас были ко мне вопросы. Кто я такая, вы уже, я думаю, догадались. Обо мне и моих людях слишком много говорят в последнее время. Что нам нужно? Ну, это совсем просто, – и она посмотрела в море, туда, где виднелся силуэт «Зари». – Это были вопросы, на которые вы и сами могли бы ответить. Есть вопрос и потруднее. Что с вами будет? – И она сделала паузу, потом продолжала с усмешкой. – Впрочем, ответ на него вы тоже знаете.

Ива шумно сглотнула воздух и крепче прижалась к отцу.

– Вы же нас не убьете? – Решился подать голос Бажан. – Мы же с вами провели вместе три дня!

Виринея не ответила. Она стояла неподвижно, и Аскалон почувствовал, как в его сердце заползает холод. Олех со скрипом сжал зубы.

– Ну, если вас интересует, убьем ли мы вас, – тягуче сказала Виринея, – могу вас успокоить. Нет. А вот, если с вами что-нибудь здесь случится, за это мы не в ответе.

– Гадина! – Вдруг крикнул матрос с родинкой и, выдернув из сапога нож, бросился на злодейку.

То, что произошло дальше, трудно описать словами. Никто не понял, что случилось. Виринея не шелохнулась, даже не изменилась в лице, но за секунду до того, как ее груди должен был коснуться нож, из-за ее спины выросла огромная змея и, расправив широкий яркий капюшон, выпустила в сторону матроса струю оранжевого пламени. В мгновение несчастный превратился в кучку пепла. Еще через секунду все было, как прежде. Лишь ветерок ворошил пепел под ногами Виринеи.

Ива пронзительно закричала, ее затрясло. Виринея поморщилась:

– Есть еще у кого-нибудь желание померяться со мной силой?

Пленники не могли оторвать глаз от того, что только что было их попутчиком. Никто не ответил.

– Прекрасно. Тогда подождем, когда вернется шляпка, и попрощаемся. И пожалуйста, ведите себя потише, я не выношу шума.

Она отошла и, сев на прибрежный песок, стала задумчиво кидать в воду камешки.

Ива затихла на плече отца. Олех посмотрел на друга и вопросительно поднял брови. Аскалон пожал плечами. Скоро вернется шляпка – надо было побыстрее что-то придумать. Оба обвели оценивающими взглядами окружавших их бандитов. Те стояли невдалеке: кто курил, кто тихо переговаривался, изредка поглядывая в сторону своей предводительницы, но из рук оружия никто не выпускал. Лишь один кудрявый мужичок, сидя невдалеке на камне, поигрывал ножичком, перекидывая его из руки в руку. Аскалон указал на него взглядом. Олех присмотрелся и взглядом же ответил: «Не знаю». Но Аскалон уже решился. Другого выхода все равно не было. Он будто бы невзначай сделал несколько шагов в сторону кудрявого и стал искоса наблюдать за прыгающим в его руках ножом, ожидая подходящего момента. Но тот не терял бдительности: время от времени он посматривал по сторонам. Так прошло довольно много времени.

Наконец с берега крикнули: «Шляпка!». И через несколько минут вернувшийся с корабля Угрим уже что-то тихо говорил поднявшейся ему навстречу Виринею. Все: и бандиты, и пленники – смотрели на них, только Аскалон не спускал глаз с кудрявого. Тот, встав с камня и увлекшись рассмотрением подошедшей шляпки, выронил нож.

В ту же секунду Аскалон в два прыжка оказался рядом с ним и, подхватив нож, приставил его бандиту к горлу. Защелкали вокруг взведенные курки, но тут же все стихло – напряженные бандиты ждали подходящую Виринею. Она приблизилась быстро и встала напротив, с интересом вглядываясь в лицо Аскалона:

– Так-так. Вижу, вы тут заскучили. Ну что ж, это неплохое развлечение. И хотя нам уже пора, я, пожалуй, уделю вам несколько минут.

На ее лице не было ни испуга, ни даже удивления. Она была лишь слегка возбуждена. Аскалон похолодел, его рука, державшая нож, дрогнула.

– Я убью его, – сказал он совсем не так уверенно, как собирался.

– Да что ты? – Удивилась злодейка. – Это будет ужасная утрата для нас.

Аскалон почувствовал, как оседает в его руках захваченный бандит.

Виринея подождала немного:

– Всё? Тебе больше нечего сказать? Ну, тогда скажу я. Ты дурак. Правителю должно быть стыдно, что у него такой сын. Мальчишка! Неужели ты не понял, что тебе меня не одолеть? Я сильнее тебя. Но не потому, что вооружена, не потому, что нас много, и даже не потому, что есть высшая сила, защищающая меня. Это было бы слишком просто и неинтересно. Я сильнее, потому что я свободна. Свободна от всего: от условностей, от законов, от чувств, от привязанностей. Любовь, дружба, симпатия – это слабости. Они делают человека уязвимым. Я никого не люблю, никем не дорожу – и поэтому я несильна. Если бы ты жил, как я, ты бы тоже был неуязвим. Но ты слаб. У тебя есть чувства. Есть люди, которых ты любишь, кто дорог для тебя. И пока они будут, твою волю легко подчинить. Вот смотри: если бы мне была безразлична жизнь того отродья, которое ты сейчас держишь в своих объятиях, мне пришлось бы выполнить любую чушь, которую ты бы мне навязал. Но, к счастью, я свободна от всяких чувств и поэтому...

Она выхватила из-за пояса пистолет и, почти не целясь, выстрелила в лоб кудрявому. Тот мешком повалился к ногам Аскалона. Виринея откинула назад разряженный пистолет и победно посмотрела на своего противника, который беспомощно ловил ртом воздух.

– Видишь, как хорошо быть сильным и свободным. Я могу распоряжаться собой, и никто надо мной не властен.

Она возбуждалась все больше и больше, глаза ее блестели, щеки пылали.

– А теперь посмотри на себя. Ты жалок, зависим, беспомощен. Одно мое движение – и ты потеряешь всю свою волю и сделаешь все, что я пожелаю.

Она достала второй пистолет и направила его на Олеха.

– Теперь встань на колени и поклонись мне!

Аскалон стоял неподвижно. Щелкнул курок. Аскалон вздрогнул, ноги его сами собой подкосились, а голова наклонилась.

– Аскалон, – одними губами прошептал бледный, как полотно, капитан.

– Дружба – это слабость, – неумолимо продолжала злая фурия. – Не заводи друзей, и будешь сильным и независимым. Ну, а я немного помогу тебе в этом.

Выстрела Аскалон не услышал, а скорее почувствовал. Все его члены налились свинцом, перед глазами был туман, он ничего не видел, кроме того, как медленно падал на камни Олех. Не в силах подняться, Аскалон подполз к лежащему капитану и никак не мог поверить, что тот мертв – крови почти не было, пуля пробила сердце.

Прошла вечность, и когда оглушенный горем Аскалон снова обрел способность воспринимать окружающее, он увидел над собой каменное лицо Виринеи.

– Ну, вот. Ты уже сделал первый шаг к свободе. Ты рад?

Шатаясь, Аскалон поднялся и так посмотрел на нее, что она отпрыгнула в сторону. И тут же засмеялась:

– Что-то я не вижу ни радости, ни благодарности. Неужели я ошиблась? Свобода тебя не радует? Может, ты просто не осознал еще свое счастье? – Она наклонила голову и искоса посмотрела на него. – Или тут дело в другом?

Она подошла к стоящему рядом бандиту и забрала его пистолет.

– Может, ты просто не до конца свободен?

Аскалон сделал к ней шаг и чуть не упал от охватившей его снова слабости – он понял, что она имела в виду на этот раз. Виринея хищно улыбнулась и дуло пистолета повернулось в сторону еле живой от ужаса Ивы. Отец схватил дочь, пытаясь закрыть ее собой. Это очень позабавило бандитку. Она с видимым наслаждением снова взвела курок:

– Ну, что ж, господин Наследник. Я готова помочь вам стать абсолютно свободным...

– Хватит! – Раздался вдруг за ее спиной громкий голос.

Ворон, парень с виолой, твердо взял ее за руку, в которой она держала пистолет, и опустил ее вниз.

– Поигралась, и довольно.

Глаза Виринеи налились кровью:

– Ты... Ты что себе... – она снова подняла пистолет и приставила его к груди юноши.

Его губы дрогнули в усмешке:

– Не наигралась еще? Ну, убей теперь меня. А потом всех, кто здесь есть. Тебе нужен был корабль – так вон он, стоит под парусами. К чему весь этот спектакль с выстрелами и проникновенными речами?

Виринея жгла его полным бешенства взглядом, однако, на курок не нажимала.

Тут бедная Ива, не выдержав всего навалившегося на нее ужаса, еле слышно охнула и повалилась без чувств на камни, выскользнув из рук растерявшегося отца. Виринея проводила ее брезгливым взглядом, потом опустила пистолет и, не глядя ни на кого, быстро направилась к шлюпке. Будто услышав приказ, бандиты устремились за ней, и вскоре шлюпка отчалит, а на пустынном острове остались лишь снова опустившийся на камни возле тела капитана Аскалон да старый Бажан с бесчувственной Ивой на руках.

Солнце перевалило за полдень, было тепло и ясно. Красавица «Заря» мягко покачивалась на волнах, ничуть не изменившись от того, что поменяла хозяина. И судя по тому, как блестели на солнце ее борта, ей было абсолютно безразлично, что из всей небольшой команды

уже не осталось в живых ни одного человека, а трое пассажиров ждали смерти на пустынном острове. «Заря» привычно готовилась к продолжению своего плавания: раздавались команды, поскрипывали снасти, сновали по палубе матросы. Между ними деловито прохаживался мохнатый Хвост, лоя носом знакомые запахи. Его хозяйка стояла, опершись о перила борта, и мрачно глядела на воду. Ее глаза сузились, она нервно кусала губы. К ней подошел Угрим:

– Все готово. Прикажешь отчаливать?

Виринея молчала, не отрывая взгляда от волн. К ней приблизился Ворон:

– Звала?

Виринея через плечо послала ему приветливую улыбку – за какую-нибудь минуту она преобразилась: от мрачности не осталось и следа – и кивнула на видневшийся вдали остров:

– Ты ведь знаешь эти места? Все, что говорят об этих островах, правда?

Ворон подошел к борту, тоже посмотрел вдаль, но ответил лишь на первый вопрос:

– Бывал.

– Ночью? – Спросила Виринея, вновь одарив его ласковой улыбкой.

– Если я жив, значит, нет, – Ворон подозрительно посмотрел на нее.

Виринея зачем-то бережно сняла с его плеча виолу и опять улыбнулась:

– И ты не видел тех тварей, что, говорят, там обитают?

– Нет, – враждебно сказал Ворон, и снова бросил взгляд на остров. – А тебе это зачем? Хочешь, чтобы...

Договорить он не успел, так как два незаметно подкравшихся сзади матроса вдруг схватили его за ноги и перекинули за борт.

– Вот зачем, – Виринея подождала, пока голова юноши покажется над водой, приветливо помахала ему рукой и тут же отвернулась.

Ее лицо снова стало мрачным:

– Поднять якорь.

– Поднять якорь! – закричал Угрим, не выказав ни малейшего удивления.

Другие бандиты тоже как ни в чем не бывало занимались своими делами. Они осваивали захваченный корабль, настроение у всех было приподнятое, и никто из них не обратил внимания на такую мелочь, как выпавший за борт человек. «Заря» заскользила по волнам, постепенно увеличивая скорость. Угрим подошел к застывшей возле борта Виринее, обнял ее, поцеловал в щеку:

– Ты чудо! Опять все прошло как по маслу. Ты волшебница или гений?

– И то, и другое, – ответила она бодро, но в глазах ее были бесконечная усталость и тоска. Похоже, она была единственным человеком на корабле, которого не радовал успех.

– Может, пойдем в каюту, отметим? Тут в каюте капитана есть чудесное вино. Я такого давно не пил. Кстати, а которая каюта твоя?

– Крайняя. Прикажи выбросить оттуда все эти дурацкие платья.

– Опять был маскарад? Жаль, я не видел.

Виринея бросила прощальный взгляд на исчезающий вдали остров.

– По-моему, ты зря оставила их в живых, – сказал Угрим, проследив за ее взглядом.

– Они не доживут до утра. Ты знаешь, что это за остров?

– Тот самый? – Глаза Угрима вспыхнули.

Она кивнула и высвободилась из его объятий:

– Я лягу.

– Виринея, – спросил он ей вслед, – а если бы этот чертов Наследник приставил нож к моему горлу, ты и меня бы пристрелила?

Она сделала шаг, собираясь уйти, но он схватил ее за руку:

– Не отпущу, пока не скажешь.

Виринея с досадой вырвала свою руку:

– Да! – И ушла.

Войдя в каюту, она положила на полку виолу, которую принесла с собой, и устало села на кровать. Несколько минут она сидела неподвижно, потом стала медленно расшнуровывать сапожки, но вдруг схватилась за горло, будто кто-то ее душил, и, не справившись с собой, зарыдала.

Ворона спасло то, что он, как и большинство жителей островного Города, отлично умел плавать. Иначе ему ни за что не удалось бы добраться до острова – расстояние было слишком велико. Пошатываясь, он вышел на берег недалеко от того места, где недавно отчалила шлюпка. Ива уже пришла в себя – она-то первая и заметила плывущего к ним человека. Они с отцом старательно вглядывались в морскую даль, но Ворона узнали, лишь когда он вышел из воды. Старый Бажан нахмурился и отошел, Ива за ним. Юноша, конечно, не рассчитывал на теплый прием, и поэтому лишь устало опустился на песок. Но отдохнуть ему не удалось – его заметил Аскалон, который так и сидел возле тела друга, застыв в немом горе. Никогда в жизни ему не было так плохо, внутри все будто одеревенело. Окружающий мир перестал существовать, вокруг не было ничего, кроме боли, одной сплошной боли, от которой хотелось, но невозможно было избавиться. Он бездумно поправлял складки кителя на груди капитана, зачем-то расстегнул и застегнул пуговицу, потянул за попавшийся под руку уголок – и вытянул голубой платочек с вышитым парусом. Аскалон сжал его в руке и, громко застонав, вскочил на ноги, не в силах выносить разрывающей его душевной боли. И тут увидел одного из тех, кто был ее причиной.

Аскалон так быстро подбежал, что Ворон еле успел подняться, но в следующую секунду покатился по песку от страшного удара. В приступе ярости Аскалон не замечал ничего вокруг: не было мыслей, чувств, осталось лишь желание отомстить. Будь на месте Ворона кто-то другой, он бы от такого натиска растерялся, но Ворон с раннего детства привык постоянно защищать свою жизнь – он вырос в самых бедных кварталах без родителей, и если бы у него не был в совершенстве развит инстинкт самосохранения, он бы ни за что не дожил до своих двадцати с небольшим лет. Он мгновенно вскочил на ноги и от следующего удара успел уже уклониться. Но и Аскалон, почувствовав сильного противника, перестал беспорядочно размахивать руками и повел грамотный, построенный по всем правилам, поединок. Профессиональные занятия борьбой хороши тем, что в критическую минуту подсознание само начинает руководить действиями человека, не требуя от него никаких мыслительных операций, которые часто не успевают за действиями. Движения Аскалона стали четкими, а удары сильными и точными. Но и Ворон не оставался в долгу, и хоть в тактике он явно уступал, но опыта у него было гораздо больше – ведь в жизни он имел дело не с инструкторами и вежливыми партнерами, а с настоящими бандитами, которые нередко были вдвое старше и сильнее его. Он отступал, забираясь все выше на скалу, надеясь, что в конце концов Аскалон устанет и прекратит свои атаки. Но движимый отчаянием, его противник не ослабевал, и Ворон понял, что тот не отступится, пока не убьет его.

Издали за ними с волнением наблюдали Бажан с дочерью. Прошло несколько минут, и стало ясно, что Ворон в этой схватке проигрывает. Ослабленный долгим плаванием, он с самого начала нетвердо держался на ногах, а теперь стал чаще и чаще падать. Его удары все реже попадали в цель, зато Аскалон уже почти не промахивался. Его лицо стало спокойнее, на нем теперь отражались хладнокровие и уверенность – он видел, что побеждает. Еще несколько ударов – и Олех будет, хоть частично, но отомщен. Аскалон бил без передышки, не давая противнику подняться. Но Ворон не сдавался, он не привык сдаваться. Собравшись, он вдруг выгнулся и с такой силой ударил Аскалона ногой по колену, что тот не удержался и покатился по камням. Тяжело сглотнув, Ворон встал и посмотрел вниз: его противник лежал без движения.

Подбежала Ива, стала теребить лежащего, но тот не реагировал.

– Ты убил его, – прошептала девушка подошедшему Ворону и повторила громче. – Ты убил его!!

Подошел Бажан, проверил пульс и сказал:

– Он жив.

– Жив? – У Ивы слезы полились из глаз. – Ты уверен? Тогда надо перенести его на траву. Помнишь, мы видели корзину? В ней было одеяло.

Она помчалась к берегу. Там действительно стояла корзина, единственная, которую успели выгрузить из шлюпки. Бандиты не обратили на нее внимания. Ива расстелила на траве одеяло, и мужчины перенесли на него бесчувственного Аскалона. Ворон отошел в сторону и тяжело опустился на землю. Ива нашла в корзине еще одно одеяло и, свернув, положила его раненому под голову.

– Папа, что нам делать? Нас найдут?

– Конечно, котенок. Мимо будет проплывать какой-нибудь корабль и заберет нас.

– Но у нас нет ни еды, ни пресной воды. Сколько мы продержимся?

– Кажется, в корзине была бутылка с водой. Да, вот она. Ты хочешь пить?

Ива сделала небольшой глоточек.

– Теперь мы наверняка продержимся до тех пор, пока не придет помощь. Только надо экономить воду, да? Папа, а вдруг они нас не заметят?

– Заметят, – успокоил ее отец. – Мы будем кричать, махать руками.

– Не заметят, – сказал подошедший Ворон. – Корабли обходят этот остров стороной. Надо разжечь костер.

– Правильно, – обрадовалась Ива. – Дым наверняка увидят.

– Только здесь очень мало деревьев, – Бажан оглядел остров. – Надолго этого не хватит.

– Соберем, сколько сможем, – отозвался Ворон, – а там посмотрим. Вы мне поможете?

– Конечно, – с готовностью ответил Бажан. Он-то понимал, что сейчас не время сводить счеты. – Ты побудь с раненым, – сказал он дочери. – Придет в себя – дай немного воды.

Ива послушно кивнула. Она присела на краешек одеяла и следила, как удаляются мужчины. Но они почему-то не спешили приступить к делу. Остановившись невдалеке, они о чем-то тихо переговаривались. Ворон что-то рассказывал ее отцу, показывая на скалы, и Ива заметила, что отец несколько раз тревожно посмотрел в ее сторону. В ее душу снова стал закрадываться страх, и она уже собиралась пойти и спросить, в чем дело, но тут Аскалон шевельнулся и кашлянул. Ива бросилась к нему.

– Ива? – Аскалон сделал попытку подняться, но заскрежетал зубами и вновь опустился на одеяло. – Что со мной?

– Вы не помните? Вы упали и...

– Да, да. Помню. Кажется, я что-то сломал себе. Долго я был без сознания?

Ива подумала:

– Точно не могу сказать. Довольно долго, – она достала бутылку. – Выпейте воды.

Аскалон с трудом приподнялся и сделал несколько глотков, даже не поинтересовавшись, откуда вода – на это у него просто не было сил. Левую руку и бок рвала на части страшная боль, и он еле сдерживался, чтобы не застонать, боясь напугать девушку. Но чуткая Ива все равно поняла, насколько ему плохо, и глядя на его страдания, сама мучилась от того, что не может помочь.

– Ива, простите меня, – прошептал Аскалон.

– Что вы? – Испугалась она. – За что?

– Это же я взял на корабль эту гадину. Если бы... Мы бы... – Мысли его путались.

– Не говорите так, пожалуйста. Никто и не думал вас обвинять.

– Им нужен был мой корабль. А вы попали случайно, – время от времени он ловил ртом воздух. – Никогда себе... не прощу.

– Прошу вас, не надо ничего говорить, – Ива не знала, как его успокоить. Но он чувствовал, что на него снова накатывает волна беспамятства и спешил высказаться:

– Никогда... не прощу... потому что я... Ива, я люблю вас.

Она тихо охнула.

Юноша судорожно сжал в руке край одеяла, потом не выдержал – застонал, дернулся вперед так, будто хотел убежать от боли, и снова потерял сознание.

Когда Бажан с Вороном вернулись, Ива сидела и тихо плакала. Бажан обнял ее:

– Ну, что ты, котенок, не плачь. Мы принесли дрова. Сейчас разожжем костер.

– Не сейчас, вечером, – поправил Ворон и выразительно посмотрел на него.

Ива окинула взглядом кучу веток. Она казалась огромной, но на всю ночь ее, конечно, не хватит.

– Это все?

– Наломали, сколько смогли, – ответил Ворон. – Без пилы и топора довольно трудно ходить за дровами.

Ива испугалась, что ее вопрос прозвучал, как упрек, и поспешила поправиться:

– Очень хорошо. Завтра наберем еще, – она вытерла слезы. – Попейте воды.

Оба отказались. Ворон присел в стороне и принялся осматривать свои ссадины, которыми в изобилии было покрыто его тело. Бажан наклонился над Аскалоном:

– Как он?

– Плохо, – грустно ответила Ива. – Пришел в себя, а потом опять... Папа, а вдруг он умрет?

Бажан не ответил.

– Послушай, – тут же стала утешать себя девушка, – если корабль Наследника не придет в порт вовремя, ведь должны выслать корабль на его поиски. До Города отсюда не так уж далеко, надо продержаться совсем недолго. Вода у нас есть. Если бы он не был ранен, – и Ива невольно бросила взгляд на Ворона.

– Да что вы на меня все время смотрите! – Не выдержал тот. – Не я же начал драку.

– Нет, нет, вас никто не упрекает, – Ива снова почувствовала неловкость. – Вы просто защищались.

Ворон поднялся.

– Пора. Скоро начнет темнеть, – сказал он и стал разжигать огонь.

Через несколько минут был готов небольшой костер, и у Ивы на сердце потеплело.

«Сейчас мы ляжем спать, – подумала она. – Ночь пройдет, а утром придет корабль и забереет нас отсюда». Она придвинулась поближе к костру. Ей захотелось поговорить.

– Ворон, а кто такая Виринея? – Спросила она.

Но тот не был расположен к разговору. Он сидел в стороне, к чему-то прислушиваясь.

– Тебе лучше этого не знать, – бросил он хмуро.

Тут подал голос Бажан:

– Надо перенести его поближе.

Ворон помог ему положить Аскалона возле костра и опять уселся поодаль, напряженно вслушиваясь в наплывавшие сумерки. Ива чувствовала, что они что-то от нее скрывают, и ей снова стало страшно. Нет, этой ночью ей не заснуть. Долго все трое молча сидели возле костра, словно чего-то ждали.

– Вот, – наконец сказал Ворон.

Он взял большую палку, обмотал ее конец какой-то тряпкой и встал возле костра, всматриваясь в темноту, которая становилась все гуще.

Если бы они находились ближе к скалам, то увидели бы, как те вдруг начали шевелиться, словно сотни огромных жуков поползли в разные стороны. Скоро Ива услышала странный

треск, который становился все громче. Ворон напрягся и крепче сжал в руке палку. Бажан встал с другой стороны костра, так же держа палку.

– Что это? – Испуганно вскрикнула Ива.

Ей никто не ответил. Но через минуту она услышала, как кто-то или что-то приближается к их костру. Она вскочила, и тут же со стороны Бажана показалась страшная оскаленная морда. Старик резко сунул палку в огонь, тряпка на ней загорелась, и он ткнул ей прямо в морду. Животное взвыло и скрылось. Но вскоре со стороны Ворона появились уже две такие же твари. Они были похожи на гиен, только крупнее, и спина у них была широкая и плоская. Ворон поджег свою палку и отогнал их. Остальные не решались приблизиться к огню, но судя по усилившемуся вокруг рычанию, их становилось все больше. Вскоре это рычание стало таким громким, что людям приходилось кричать, чтоб услышать друг друга.

– Смотри за раненым, – крикнул Иве отец.

Она, не зная, что делать, обхватила Аскалона руками и крикнула:

– Может, зайдем в воду?

Ворон отогнал еще несколько тварей, которые становились все наглее, и повернулся к Иве:

– Они умеют плавать.

Несколько минут им было не до разговоров: Ворон с Бажаном, не переставая, размахивали палками, стараясь не подпустить страшных зверей к Иве с Аскалоном. Наконец Ворон крикнул:

– Все, больше не выдержим.

Ива закрыла глаза и не видела, как одна осмелевшая тварь прыгнула на ее отца, повалив его наземь. Но тут из темноты раздался выстрел, и мерзкое животное, захрипев, свалилось вниз. Еще несколько выстрелов отпугнули других.

В свете костра появился коренастый мужчина с бородкой клинышком.

– Сколько вас? Давайте быстро в шлюпку.

Раздумывать было некогда.

– У нас раненый, – лишь крикнул сквозь звериный рев Бажан, но Ворон уже подхватил Аскалона, перекинул через плечо и побежал к берегу. Ива с Бажаном за ним.

До берега было недалеко, но страшные звери не хотели упускать свою добычу и отстали лишь в море, и то после нескольких точных выстрелов.

Ива никак не могла успокоиться, ей казалось, что она слышит возле шлюпки подозрительный плеск.

– Они отстали, – сказал один из четверых работающих веслами матросов, заметив ее беспокойство.

– Кто это? – Ива пыталась унять дрожь. – Мы днем их не видели.

– Днем они спят, превратившись в камни, – ответил второй матрос, помоложе. Он с интересом разглядывал девушку, – А вы разве не слышали рассказов про эти острова?

– Я думала, это сказки.

– Со сказками-то все понятно, – отозвался с другого края шлюпки бородатый. – А вот что вы делали на этом острове?

– Это длинная история, – устало ответил сидящий рядом с ним Бажан.

Через несколько минут все четверо уже находились в просторной кают-компании. Аскалона уложили на диван, Ива присела рядом с ним на краешек. Ее отец тяжело опустился на стул, а Ворон ушел в самый дальний угол и сел прямо на пол возле стены.

– Сейчас придет врач, – сказал бородатый, оказавшийся боцманом, – и капитан будет через минуту. Каюты вам уже готовят, так что скоро вы сможете отдохнуть. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, – ответил Бажан.

– Тогда, может, расскажете вашу длинную историю? Хотя бы вкратце. Мне надо что-то доложить капитану.

Бажан кивнул:

– Хорошо. Пойдемте на воздух.

Они вышли. Минут через пять пришел врач. Осмотрев раненого, он сказал:

– Похоже, сломаны два или три ребра.

– Он не умрет? – Со страхом спросила Ива.

Доктор бросил на нее высокомерный взгляд:

– От этого не умирают.

Но увидев ее серое от страданий лицо, смягчился:

– Уверяю вас, что завтра вы с ним сможете поговорить. А пока идите отдыхать. Вам не нужна моя помощь? Хотите, я дам вам успокоительного?

Ива не успела ответить – дверь открылась, и вошли два матроса. Они молча оглядели помещение и остановили взгляд на Вороне. Тот сразу все понял и поднялся. Ива сделала слабое движение к нему, но он быстро прошел мимо, не поднимая головы. За ним вышли матросы. Врач проводил их удивленным взглядом.

Утром за завтраком Бажан повторил всю их историю теперь уже с подробностями. Ива сидела рядом с ним, вялая и сонная, и почти не принимала участия в разговоре. Проснувшись, она первым делом навестила Аскалона, который пришел в себя и уверил ее, что чувствует себя настолько великолепно, что завтра, когда они прибудут в порт Города, сам без посторонней помощи сможет добраться до кареты. Он, и правда, выглядел гораздо лучше, лишь в глазах его Ива видела затаенную скорбь и непонятную ей тревогу. Врач запретил ему вставать, по крайней мере, до прибытия в Город, так что завтракали вчетвером: Ива с отцом, капитан и бородатый боцман.

– На самом деле, вы даже не представляете, насколько вам повезло, – сказал капитан, немолодой уже человек с седыми висками. – Мы должны были проходить мимо этого острова на день раньше, но задержались в порту. Эти негодяи все рассчитали до мелочей: вы не должны были дожидаться до утра.

Ива вздрогнула, вспомнив прошедшую ночь:

– Вы думаете, она знала про этих тварей?

– Уверен. «Заря» – не первое судно, которое она захватила. Она редко оставляет живых свидетелей. Вам невероятно повезло. Все моряки знают, что это за остров, и я думаю, ваш капитан решил высадиться на него, рассчитывая вернуться на корабль до наступления темноты. Днем при свете солнца эти твари абсолютно безопасны – они застывают и сливаются со скалами. Вы можете ходить возле них, по ним – и ничего не заметите. Камни и камни. Но лишь наступает ночь, они с глухим треском сбрасывают с себя оцепенение и превращаются в злобных монстров.

– Это верно, – тихо сказала Ива. – Я слышала какой-то треск, но не поняла, что это.

– С вашего разрешения, мы вернемся в каюты, – вмешался в разговор Бажан, убирая салфетку. – Дочке надо отдохнуть.

Все поднялись, и тогда Ива решила задать мучивший ее вопрос:

– Скажите, капитан, а тот человек, что был с нами... Где он?

– В трюме, сударыня.

– В трюме?

– Да. На моем корабле нет специального помещения для арестантов.

– Но ведь он все равно никуда не убежит. Зачем же его запереть?

Капитан вопросительно посмотрел на Бажана.

– Ивушка, ты устала, тебе надо прилечь, – обнял дочь за плечи Бажан. – Да и у меня после вчерашнего, признаться, до сих пор ноги трясутся. У капитана, наверное, много дел. Не будем ему мешать. Спасибо за прекрасный завтрак, капитан.

Когда они вышли, капитан с боцманом обменялись недоуменными взглядами.

Город на самом деле представлял из себя целое государство, расположенное на острове. Впрочем, это был даже не остров, а материк, судя по его размерам, но как-то так повелось, что с давних пор все называли его островом. Вокруг располагалось множество других островов: довольно больших, средних, маленьких и совсем крошечных; а на расстоянии нескольких дней пути находилось еще несколько таких же островов-государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.